

Бронислав Шварце известен историкам, прежде всего, как сподвижник польского революционера и деятеля Парижской коммуны Ярослава Домбровского. Шварце был к тому же первым в Европе организатором «рельсовой войны», ставшей предтечей восстания 1863 года в Польше. И этот же человек первым написал стихи о Змеиногорске и Барнауле на польском языке

текст **Евгений ПЛАТУНОВ**

РАННЯЯ БИОГРАФИЯ

Бронислав Шварце (1834–1904) родился в Бретани, куда эмигрировал его отец после польского Ноябрьского восстания 1830 года. Шварце-младший получил образование и воспитание во Франции. С 1859 года Шварце работал инженером Варшавско-Петербургской железной дороги. В это же время он активно сотрудничает с подпольными печатными изданиями: ведет польский секретный журнал «Рух», публикуется в белорусском периодическом издании «Мужицкая правда». Шварце хорошо знаком с заговорщиками в Белостоке и на Гродненщине, что делает его популярным среди сторонников борьбы за независимость. Различные патриотические организации, возникшие в то время в Королевстве Польском, находились под пристальным надзором и преследовались за антиправительственную деятельность.

Группа Шварце, замыслившая «рельсовую войну» в Европе, быстро вышла за рамки разумного поведения традиционных подпольщиков. Неудивительно, что через некоторое время были обнаружены доказательства участия Шварце в антироссийском заговоре. С 1862 года он был членом Центрального Национального комитета и стал одним из самых активных деятелей в подготовке Январского восстания 1863 года.

АРЕСТ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В декабре 1862 года Шварце был арестован и оказался в заключении в Варшавской цитадели. Военный суд приговорил его к смертной казни. Однако специальные эмиссары просили императрицу Евгению, жену Наполеона III, приложить усилия для смягчения приговора, ведь Шварце все еще был гражданином Франции. В результате царский наместник в Варшаве великий князь Константин изменил смертную казнь на пожизненное заключение.

Бронислав Шварце

Изменение первоначально вынесенного приговора сопровождалось справкой жандармскому руководству: «Считаю, что вам следует обратить внимание на необходимость постоянного и особенно тщательного наблюдения за ним. Этот человек настолько опытен, предприимчив и изобретателен, что всегда и везде будут необходимы самые строгие из возможных и исключительные меры по предотвращению его побега. Они тем более необходимы, что Шварце, как страстный и особо свирепый революционер, всегда будет очень опасным человеком».

Семь следующих лет Шварце провел в заключении в крепости Шлиссельбург (о чем написал позднее книгу). Там, как и в других тюрьмах, заключенные страдали не столько от хронической нехватки питания или

медицинского обслуживания. Для деятельных натур было более мучительным особое правило пристрастия: они были лишены возможности переписки, свиданий, групповых прогулок, бесед с сокамерниками и много-го другого. Шварце тоже был под таким же надзором. Но он не поддавался на притеснения, не соблазнился обещаниями смягчения наказания за выявление революционных контактов.

Французское правительство и семья добивались права помилования и разрешения ему эмигрировать во Францию. Однако эти усилия ни к чему не привели. После семи лет заключения в Шлиссельбурге Шварце перевели в крепость в городе Верном (сегодня это казахстанский Алматы).

Там Шварце тоже находился под охраной, и его контакты с политическими ссыльными тщательно отслеживались. Позже Шварце вспоминал, что он пять лет прожил в Верном в «длинном одноэтажном деревянном здании, похожем на казарму». Отшельническая жизнь заполнялась «изучением местного языка, собираньем киргизских легенд, сказок и песен, рисованием различных народных типов». Однако за внешней этнографической деятельностью Шварце скрывалась созданная им разветвленная подпольная организация Красного Креста, объединявшая многих ссыльных от Средней Азии до Восточной Сибири.

Дальнейший путь Бронислава Шварце пролегал через Алтай в Томск, позже в забайкальскую Тунку, где он познакомился с Юзефом Пилсудским, будущим диктатором Польши.

Шварце был окончательно освобожден лишь в 1891 году, в общей сложности он провел в заключении 27 лет. После освобождения жил в Кракове, а затем во Львове, где и умер в 1904 году, не дождавшись независимости Польши. Похоронен на львовском Лычаковском кладбище.

ПЕРЕВОДЧИК ПУШКИНА И ЛЕРМОНТОВА

Исследователям польско-русских литературных связей известны переводы Шварце на польский язык стихов Пушкина («Кинжал», «Булгарину», «Моя родословная») и Лермонтова («И скучно, и грустно...»), «Выхожу один я на дорогу...», «Пророк», «Сосед», «Завещание», «Благодарность», «Узник»). Вот для примера отрывки из пушкинского «Кинжала».

DO SZTYLETU

Lemnoski bożek ukuł ciebie
Dla nieśmiertelnej Nemezydy,
Wolności stróżu, mścicielu jej w potrzebie,
Ty ostatnia obrono od krzywdy i ohdy!

Gdy milczy grom Jowisza, gdy drzemie miecz zakonów,
Tyś wykonawcą kłątwy, nadzieją leczysz straty;
Ty się ukrywasz w cieniu tronów
Pod złotym haftem dworskiej szaty.

Jak płomień z piekła, jak bogów błyskawica
Bije nieme twe ostrze w same oczy tyрана;
Spojrzy i zadrzą jego lica
Choć uczta huczy mu pijana.

Wszędzie go cios odszuka twój nieomylny
Na łądzie, morzu, w namiocie czy w kaplicy,
Za pewnym zamkiem, w orszaku straży pilnej,
Na łożu przy oblubienicy...

Cezara koń prze nurty Rubikona
Pod Rzym i w Rzymie prawo kona;
Ale powstała wnet Brutusa wolna dusza —
Sztylecie, szukasz krwi — i martwy tyran ścisła
Nieczuły marmur Pompejusza.

Wyrodek rewolucji, pochlebca tłuszczy mściwej
Jadem zaprawia krwawe mowy;
Nad trupem wolności bez głowy
Nowy kat stanął obrzydliwy.

Apostoł to zniszczenia i silny swą ohydą
On piekłu nowe przeznacza ofiary —
Ale mu wyższy wyrok pomsty zesłał dary:
Ciebie z dziewicą Eumenidą*.

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОБ АЛТАЕ

Бронислав Шварце прибыл на следствие в Томск из ссылки в Верном 6 марта 1875 года. Путь занял почти два месяца. Редкий путешественник отправлялся тогда в поездку по Сибири в январе. Но как выявила историк Ольга Морозова, Барнаул впервые прозвучал в переписке Шварце с шефом жандармов Петром Шуваловым еще раньше: 2 февраля 1869 года Шварце с горьким юмором сообщает графу Шувалову, что планируемая жандармами отправка в Сибирь вполне может закончиться смертью ссыльного на постоялом дворе в Барнауле или Красноярске.

Проезжая Змеиногорск, Шварце увидел заброшенные рудоплавильни: «...огромные печи, трубы и подмосты, но все мертво. Здесь давно угасли огни, остались шлак, пепел, кучи глины...» Промыслы прекратили существование с ликвидацией подневольного крепостного труда, и Шварце замечает: «Сюда заглянула свобода, раб сбросил с ног вековые кандалы, а с ними свобода унесла кирку и заступ». (Однако если быть точными, то Змеиногорский сереброплавильный завод был окончательно закрыт позднее, в 1893 году.)

В Барнауле, «столице золотых руд», Шварце также подмечает оскудение, «убогую роскошь», «облезшие краски дощатых театров». «Там, где лился золотой дождь, текли потоки шампанского, в трактирах звенят теперь грошами, платя за сивуху». Те, кому промыслы приносили сказочные богатства, лишились прежней наживы: «царский указ смел дружину грабителей, отобрал ключ к богатству, освободил закованный народ, рывший рудники».

Интересно, что путевой дневник Шварце имеет стихотворную форму. К сожалению, к стихам о Барнауле и Змеиногорске в оригинальном польском варианте пока нет доступа, а вот разговор с ямщиком уже существует в переложении на русский язык: «...Когда ссыльный по скованной льдом реке или через степь, в которой гуляют метели, добравшись до Иртыша, попадает в Сибирь и жалуется на жестокий мороз, ямщик ему отвечает: «Где там мороз! Сегодня? Вот вчера здесь был морозец. А это что за мороз! Нынче, брат, тепло! Вот он, Сибирский тракт, проложенный цепями! Знаешь? А может, барин, не знаешь? Дорога от Барабы во всем мире известна, вымощена трупами, залита кровью ссыльных...» ❖

* Другие стихотворные переводы доступны на польском языке здесь: https://wiersze.fandom.com/wiki/Bronis%C5%82aw_Szwarcz?useskin=monobook.